

УДК 37(09)(477)"1941/1945"
UDC
DOI: 10.17223/18572685/62/7

Формирование системы образования русинов Лемковщины в период Второй мировой войны: научный дискурс

Б.П. Савчук¹, Г.В. Билавич²

Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника
Украина, 76018, г. Ивано-Франковск, ул. Т. Шевченко, 57

¹ E-mail: boris_savchuk@ukr.net

² E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

Авторское резюме

Сквозь призму научного дискурса предложено видение проблемы формирования системы образования русинов Лемковщины в период Второй мировой войны. Показаны особенности их общественно-политического и культурного развития в конце XIX – первой половине XX в. Охарактеризованы суть и характер установившегося на Лемковщине в сентябре 1939–1944 г. нацистского оккупационного режима (пребывание в составе Генерал-губернаторства – административно-территориального образования в оккупированных нацистской Германией Польше и Западной Украине). Показано функционирование на этой территории представительских административных структур – Украинского центрального комитета и др. Раскрыты суть и цели политики нацистов в области образования.

Представлена картина формирования системы образования русинов на территории Лемковщины в условиях оккупационного режима. Охарактеризованы типы, формы, особенности функционирования ее основных компонентов: дошкольных учреждений (сезонные и постоянные детские сады, подготовка воспитательниц и т.д.), начального образования (внедрение принципов его всеобщности и обязательности; создание сети народных школ, обеспечение их функционирования), средних учебных заведений (гимназии, учительские семинарии), профессиональной подготовки (основные направления: сельское хозяйство, ремесло, промысел, торговля); высшей школы (обучение русинов Лемковщины в вузах Львова и Европы и их материальная поддержка); социального обеспечения учащейся молодежи.

Ключевые слова: Вторая мировая война, русины, Лемковщина, Генерал-губернаторство, система образования.

Formation of the Education System of the Rusins in Lemkivshchyna During the Second World War: Scientific Discourse

B.P. Savchuk¹, G.V. Bilavych²

Vasyl Stefanyk Precarpathian National University
57 T. Shevchenko Street, Ivano-Frankivsk, 76018, Ukraine

¹ E-mail: boris_savchuk@ukr.net

² E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

Abstract

The article suggests discussing the education system of the Rusins in Lemkivshchyna during WWII through the prism of scientific discourse. The authors show the specificity of socio-political and cultural development of the education system in the late 19th – the first half of the 20th centuries and describe the essence of the Nazi regime that established in Lemkivshchyna from September 1939 to 1944, within which Lemkivshchyna was part of the General Government – an administrative-territorial entity in Poland and Western Ukraine occupied by Nazi Germany. The focus is the local administrative structures – the Ukrainian Central Committee and others – functioning on this territory as well as the goals of the Nazi education policy. The authors determine the main types, forms, and specificity of the education system, which include preschool institutions (seasonal and permanent kindergartens, teachers' training, etc.), primary education (its universality and compulsoriness; creation of a network of public schools, ensuring their functioning), secondary schools (gymnasiums, teacher seminaries); vocational training (with agriculture, craft, fishing, and trade being the main areas); higher school (enrolling the Rusins of Lemkivshchyna in the universities of Lviv and Europe and their financial support), and students' social security.

Keywords: the Second World War, Rusins, Lemkivshchyna, General Government, education system.

Необходим реальный научный плюрализм, который возможен и действительно нужен для настоящей исторической науки. На этой основе объективная неидеологизированная история все шире прокладывает себе дорогу.

А.Н. Сахаров [40]

Взятые за эпиграф к статье слова известного гуманиста и ученого, академика А.Н. Сахарова как нельзя лучше отражают обозначенную в ее названии «деликатную» и «неудобную» для историографии проблему. Она фокусирует несколько научных и общественных дискурсов, имеющих десятилетние корни. Они подпитываются идейными установками и ангажированностью национальных историографий, между которыми пока не просматриваются перспективы консенсуса.

Первый дискурс касается культурной жизни периода Второй мировой войны, которая всегда была «второстепенной» по отношению к проблемам военно-боевых действий, международно-политических и социально-экономических отношений. Советская историография априори табуировала попытки непредвзятого изучения любых проявлений общественно-культурной жизни на оккупированных нацистами территориях. Современные исследователи с крайней осторожностью подходят к их освещению, лавируя между клеймом коллаборационизма и желанием непредубежденно выяснить, что же на самом деле хотели, к чему стремились, о чем думали, мечтали люди, которые не по собственной воле оказались в жестких и жестоких условиях оккупации [43]. При этом, как ярко свидетельствует пример русинов Лемковщины, включались выработанные веками на генетическом уровне механизмы адаптации и самосохранения – не только физического, но и морального, нравственного, что концентрированно выражалось в этнокультурной идентичности.

Второй многогранный дискурс касается истории Лемковщины и коренного населения края – русинов. Ее территорию, как правило, определяют среднегорной и низкогорной частью Западных Карпат – т. н. Бескидами (Лемковские Бескиды). Она граничит с горными хребтами от рек Солянки и Сан на западе до Попрада и Дунайца на востоке. С востока на запад она протянулась на 130–150 км, с севера на юг – от 25 до 50 км [3; 24; 46; 56].

Историографию русинов Лемковщины характеризует выраженная этнокультурная (язык, быт, обычаи, образ жизни и т. п.) направленность (М. Алексеева, Я. Бодак, И. Бойко, В. Гошовский, П. Гриценко, Р. Кирчив, Ф. Колесса, И. Красовский, И. Мадзик, В. Майкович, В. Максимович, М. Мисяк, Р. Рейнфусс, С. Семенюк, О. Торонский, В. Хиляк и др.). При этом фактически не представлена более-менее целостная картина

их общественно-политической истории X–XX вв. Она фрагментарно артикулируется в контексте разных научно-тематических дискурсов (В. Галчак [55], И. Гвань [8], М. Дронов [17], Р. Дрозд, М. Иваник [22], И. Любчик, О. Турчак и др. [56]) при явном смещении внимания на трагические события 1944–1947 гг., связанные с насильственными переселениями лемков, операцией «Висла» и т. п. (Д. Байкенич, Р. Кабачий, В. Кицак, К. Пудло, С. Суляк [46], В. Ткачук и др.).

Как сторонники плюралистической историографии мы апеллируем к разным позициям и оценкам украинской, российской, польской историографий. Для решения задач исследования опираемся на документальные источники, отражающие цели, интересы, действия участников социально-образовательного процесса на Лемковщине в 1939–1944 гг. – органов оккупационной администрации, представительских общественных структур и самих русинов. Кроме достаточно обработанных, но по-разному интерпретируемых материалов прессы и историко-мемуарных работ (В. Кубиёвич [24], К. Паныковский [35] и др. [2; 19; 51; 52; 54]), используем менее задействованные в постсоветской исторической наукой документальные материалы [23; 49; 50; 59].

Обозначенная историографическая ситуация в полной мере касается истории русинов Лемковщины в период Второй мировой войны, в частности их культурно-образовательного развития (Н. Антонюк [1], Л. Головата [11], В. Официнский [34] и др.).

Трудно согласиться с существующей, фактически доминирующей в украинской историографии позицией, согласно которой в преддверии тех судьбоносных событий Лемковщина оставалась «маргинальным», «отсталым», «запущенным» в общественно-политическом, социально-экономическом, культурно-образовательном отношении края. Важно напомнить, что в геополитическом отношении она прошла сложный исторический путь пребывания в составе Древнерусского государства, затем – Галицко-Волынского княжества, с 1340-х гг. – в составе Польши. В 1772 г., после ее первого раздела, Лемковщина оказалась в составе монархии Габсбургов: восточная часть была составляющей Руського, а западная – Краковского воеводств. После Первой мировой войны большая часть Лемковщины отошла к Польше (Восточная и Западная Галиции, где в этническом и культурном отношении доминировали русины-украинцы и поляки) и Чехословакии (Карпатская Русь) [8; 17; 24; 46; 56].

Обусловленная природно-географическими условиями отдаленность Лемковщины от разных центров культурного влияния, пограничное положение на стыке Западной и Восточной цивилизаций, пребывание в составе разных государственно-политических

образований в значительной мере предопределили самосознание и жизнедеятельность ее коренного населения, которое называло себя руснаками, русинами. В силу этих и других причин важными чертами их архетипа и ментальности стали консервативность и настороженное, предубежденное отношение к «чужакам». Природная закрытость способствовала сохранению самобытности и служила забралом против ассимиляции, но также тормозила развитие образования, проникновение культурных влияний и инноваций.

Вместе с тем в преддверии Второй мировой войны русины Лемковщины уже имели значительный опыт общественно-культурной жизнедеятельности. С конца XIX в. они переживали противостояние между «экспортированными» из Галиции русофильской и украинофильской ориентациями. О соотношении сил свидетельствует уровень влияния их представительских организаций – Общества им. М. Качковского и «Просвиты», которые в начале 1910-х гг. имели соответственно 109 и 22 читальни [20; 33]. Этот раскол оказался настолько глубоким и предопределяющим, что в период революционных потрясений 1918–1919 гг. на Лемковщине возникло два разных государственно-политических образования: в восточной части – Команчская Республика, провозгласившая объединение с Западно-Украинской Народной Республикой, а в западной – Лемковско-Русинская Республика (Новый Санч), которая выразила солидарность с Россией [25]. Между этими событиями Первая мировая война, втянув лемков в вихрь судьбоносных потрясений, обернулась для них не только разрухой и социальным обнищанием, но и репрессиями со стороны австрийских и венгерских военных властей в виде расправ, расстрелов, отправок в концлагеря сторонников пророссийской ориентации [45].

В 20–30-е гг. XX в. противостояние между пророссийским и проукраинским течениями усиливалось из-за создания соответствующих общественно-политических и церковно-религиозных структур, газет и журналов. Этим по принципу «разделяй и властвуй» воспользовалась официальная власть Польши. При участии правительственных структур и действовавшей при них Комиссии научных исследований восточных земель в 1934 г. развернулась мощная т. н. лемковская акция, которая должна была обосновать, что Лемковщина – «исконно польская территория», а лемки – отдельная этнорегиональная группа с выраженным польским самосознанием. Для ее реализации в народные школы направили польских учителей, разрешили использовать в них лемковский говор и для обучения на его основе грамоте ввели лемковский букварь, написанный в польском патриотическом духе.

С началом Второй мировой войны русины Лемковщины оказались в новых общественно-политических реалиях. Произошла смена од-

ного оккупационного режима на другой, более жесткий и жестокий, который сразу показал свой звериный оскал. В мировую историю это полиэтническое административно-территориальное образование, возникшее на части территории межвоенной Польши, которую оккупировала нацистская Германия, вошло как Генерал-губернаторство (ГГ) (название утвердили 31 июля 1940 г.; нем. Generalgouvernement, польск. Generalne Gubernatorstwo, укр. Генеральна губернія).

В историографии утвердились два методологических подхода к изучению возникших в 1939–1945 гг. на территории Советского Союза и Европы оккупационных режимов: территориальный и национальный. Это предполагает их исследование как существовавших и / или формально признанных государственных, региональных территориальных и национально-политических образований (Б. Эржбакова [18], К. Козак, Ю. Попжечны [57], М. Семиряга [42], Д. Шенк [58] и др.)¹. Однако, учитывая региональные, полиэтнические и другие особенности ГГ, эти подходы к его изучению не совсем корректны. Поэтому считаем возможным воспользоваться методологическим предложением канадских ученых изучать ГГ как «отдельную оккупационную администрацию» в «отдельной оккупационной зоне» [22; 59].

Важное методологическое значение для изучения проблемы формирования системы образования в ГГ также имеют научные дискурсы по вопросам коллаборационизма и патриотизма, психологии и менталитета разных этнических общностей в годы Второй мировой войны (Е. Малышева [6: 315–338]; А. Сахаров [40]; М. Семиряга [42] и др. [6]).

В истории созданного 26 октября 1939 г. по приказу рейхсканцлера Германии Адольфа Гитлера и просуществовавшего до лета 1944 г. Генерал-губернаторства в контексте исследуемой проблемы выделяем два основных периода. Первый (октябрь 1939 г. – июль 1941 г.) определяется существованием т. н. «старого» ГГ, которое делилось на четыре дистрикта (Люблинский, Краковский, Радомский, Варшавский) с административным центром в Кракове. Сюда вошли и населенные русинами Лемковщина, Надсанье, Холмщина и Подляшье. Вторым периодом (август 1941 г. – июль 1944 г.) определяется присоединением к ней пятого дистрикта – Галиции («новое» ГГ) с центром во Львове. Он возник на территории оккупированной нацистами Восточной Галиции (Львовская, Станиславская, Тернопольская области в 1939–1941 гг. входили в состав УССР).

Характер общественного развития обуславливался политико-правовым статусом ГГ как «Nebenland» («огражденная / соседняя земля»), которая должна быть подчинена и включена в состав Великой Германии. Законодательная власть в ней принадлежала генерал-гу-

бернатору. Ему подчинялся исполнительный орган – правительство (правление) ГГ, которое состояло из 12 (позже 14) отделов, в частности сельского хозяйства, науки и обучения, народного образования и пропаганды. Ими руководили профильные министерства в Берлине. Структура правления дублировалась на уровне дистриктов и округов (школьные отделы, школьные советники и т. д.), которыми руководили старосты. На местном уровне сохранялось самоуправление, но старшины волостей и головы общин назначались администрацией ГГ [24: 37–39].

Численность русинского населения в «старом» ГГ составляла около 262 тыс. чел. вместе с полонизированными группами калакутов и латынников (12 тыс.). Туда прибыло около 20–30 тыс. беженцев и эмигрантов из советской Украины, Галиции, Волины [24: 31–32]. Среди них было много интеллигенции, что усиливало потенциал развития культуры и образования.

Лояльность оккупационного режима к населению ГГ граничила с массовыми репрессиями, террором, экзекуциями, расстрелами, особенно интеллигенции. Как результат его численность в 1939–1944 гг. сократилась на 4 млн чел., в частности 2 млн депортировали или насильно вывезли в Германию. Жесткая эксплуатация промышленности и непосильное налогообложение села привели к крайнему обнищанию народа [34; 35].

Важная для нашего исследования административная, этнорегиональная и этнодемографическая структура Краковского дистрикта представлена в таблице.

Административная, этнорегиональная, этнодемографическая структура Краковского дистрикта в 1939–1940 гг.*

Округа и города со статусом округов	Этнические регионы, населенные русинами	Численность русинов, тыс.
Новый Торг	Лемковщина	2
Новый Санч	Лемковщина	27
Ясло	Лемковщина	46
Санок	Лемковщина	110
Ярослав	Надсанье ²	56
Ряшев	Надсанье	4
Краков и др.		5

* Составлено по: [24: 31; 54; 59: 164–169, 267–269].

«Ирония истории» (по Герелю «die Ironie der Geschichte») состоит в том, что именно в условиях оккупационного режима 1939–1944 гг. за полвека противостояния на Лемковщине между пророссийскими

и проукраинскими силами чаша весов окончательно склонилась в сторону последних. В новых реалиях функции национальной репрезентации русинов в «старом» ГГ взял на себя Украинский центральный комитет (УЦК) во главе с Владимиром Кубиёвичем, уроженцем Лемковщины. История возникновения УЦК, получения им официального признания, развития организационной структуры, общественной деятельности, отношения с оккупационной властью, другие аспекты функционирования достаточно отражены в историко-мемуарной [16; 24; 29; 35; 37; 54] и научной литературе [1; 8; 11; 22; 34].

В украинской историографии существуют полярные оценки УЦК. Одни историки трактуют его как явное проявление коллаборационизма [13: 129], другие – как легальную институцию, которая проводила т. н. реальную политику, предусматривавшую соблюдение «формальной деятельности» относительно немецких властей для предупреждения преследований населения и укрепления его позиций в культурной жизни [1; 34]. Второй подход фактически экстраполирует позицию В. Кубиёвича, работы которого [24] определяют теоретическую матрицу и значительную фактографическую базу по этой проблематике.

Трудно принять ту или другую позицию. Хотя история не знает сослагательных наклонений, нетрудно представить, что при любом другом раскладе событий и вариантах взаимоотношений с оккупационными властями (нейтральных, откровенно оппозиционных и др.) характер и масштабы изменений, произошедших в общественной жизни русинов Лемковщины, как и в других частях ГГ, были бы иными.

Создание УЦК (наподобие уже существовавших польских и еврейских представительств) сопровождала огромная организационная работа. Только в июне–июле 1940 г. он был признан руководящим органом созданных ранее украинских вспомогательных («допомоговых») комитетов (УВК), которые стали его местными органами. Возобновившие ранее свою деятельность «Просвита», Общество им. М. Качковського и другие общественные организации вливались в функционировавшее при УЦК Украинское образовательное общество (УОО).

Согласно уставу, цели и полномочия УЦК состояли в организации украинской общественности в ГГ на основе членства в УВК, оказании социальной помощи нуждающимся слоям населения, развитии его хозяйственной, культурной жизни и образования. Их реализация возлагалась на шесть отделов УЦК: организационный, общественного попечительства, хозяйственный, культурной работы, опеки над молодежью и семьей, финансовый. При них создавались т. н. профессиональные секции (объединения труда) учителей, ремесленников и др.

Неформально действовал отдел школьных дел как вспомогательный орган государственной школьной власти [24; 29; 37].

В марте 1941 г. завершилось создание организационной структуры УЦК, которая состояла из 26 местных УВК, 41 районного и 109 волостных представительств («делегатур») и 965 т. н. мужей доверия, которые не имели формального статуса. Ее функционирование обеспечивали 235 штатных служащих и соответствующий фонд в 150 тыс. золотых (зол.) [37].

Очередные структурные изменения произошли с присоединением к ГГ пятого дистрикта – Галиции, где в сентябре 1941 г. по модели УЦК возник Украинский краевой комитет (УКК) во главе с Костей Панькивским. Однако в феврале 1942 г. его ликвидировали, УЦК распространил деятельность на Галицию, а во Львов перенесли отделы по культурной работе и опеке над молодежью [24; 35].

Таким образом, четыре основных фактора предопределяли процесс формирования и функционирования системы образования русинов Лемковщины: характер оккупационной политики нацистов, деятельность подконтрольных им представительских структур, ментальность, ожидания, стремления самих лемков и доставшееся им «польское наследие» (которое покажем далее), организационный и профессиональный потенциал многотысячного отряда прибывшей интеллигенции.

Сначала деятели УЦК и ориентировавшаяся на него интеллигенция надеялись «экспортировать» в «старое» ГГ модель развития частной системы образования, которая сложилась в Галиции в 20–30-х гг. XX в. Но руководство Третьего рейха реализовало свою образовательную политику на оккупированных территориях. Сохранившиеся в архивных фондах документы (циркуляры, приказы, распоряжения, планы, переписка и т. п.) [50; 59: 116–118, 121–123] экстраполируют ее основные принципы относительно Генерал-губернаторства. Исходя из основной установки, территория ГГ должна была стать сырьевым придатком, а туземное население – рабочей силой для обеспечения интересов немецкой нации. Поэтому для повышения производительности труда ему следовало дать элементарные знания, профессиональные навыки и необходимое социальное обеспечение.

С этой целью, согласно принятым в феврале–апреле 1940 г. актам и распоряжениям [1: 29–31; 11; 24: 193–210; 50; 59: 116–118, 121–123], в ГГ вводилось всеобщее обязательное начальное и профессиональное образование, а среднее и высшее исключалось. На открытие и содержание народных школ предусматривалось выделение минимальных государственных средств, поэтому они фактически передавались на баланс местных общин. Наполняемость классов не

могла превышать 70 детей на одного учителя, а оплата его труда была минимальной. Недопущение «свободомыслия» и патриотических проявлений в учебном процессе впоследствии должно было перерасти в формирование лояльного, преданного отношения к действовавшему государственному режиму. Выполнять управленческие функции в сфере образования могли только лица немецкой национальности, а не немецкой – обслуживающие.

С немецким педантизмом прописывалась система методов, средств, механизмов реализации образовательной политики оккупационного режима в ГГ. Они предусматривали открытие народных школ в общинах, где было не менее 40 детей школьного возраста (на практике норма не соблюдалась), и регистрацию всех находившихся на ее территории квалифицированных учителей, а также лиц, способных к такой деятельности. На администрацию школ возлагалась ответственность за сохранение инвентаря, учебных пособий и обеспечение их функционирования (соблюдение гигиенических норм, доставка топлива, организация учебного процесса в целом). Вместо запрещенного к использованию польского и советского учебно-методического обеспечения начали разрабатывать и издавать новое.

Анализ документальных материалов позволяет предложить свое, в некоторой мере несовпадающее с другими научными позициями видение характера и особенностей процесса формирования в 1939–1944 гг. системы образования в «старом» ГГ и на Лемковщине в частности. Его отражают три ключевых аспекта. Во-первых, в реализации своей образовательной доктрины правление ГГ в силу объективных причин (языковой барьер, подбор и направление учителей, коммуникация с местным населением и т. п.) должно было опираться на разветвленную организационную структуру УЦК, который, проводя масштабную организационную работу в этом направлении, в той или иной степени реализовал свои цели и задачи. Есть основание говорить о некотором «сращивании» административной вертикали управления правительства ГГ и УЦК в сфере образования. Кроме сотрудничества их образовательных отделов, это проявилось в деятельности созданного в марте 1940 г. при окружных и городских старостах института школьных советников. Руководящие посты в них занимали немцы, однако школьными инспекторами, которые фактически осуществляли функции организации и контроля на местах, были украинцы, как правило, назначаемые УЦК.

Во-вторых, внешкольная работа была отдана в руки УЦК, который, несмотря на ограничения оккупационного режима, достаточно эффективно использовал этот мощный рычаг развития массового просветительства. В-третьих, русинам Лемковщины, как и Надсанья,

Холмщины, Подляшья, были далеки, непонятны идейные установки нацистской пропаганды, за исключением жестких норм поведения и правил деятельности, нарушение которых грозило прямым насилием и наказаниями. Ближе, понятнее для них были нарративы адептов проукраинской ориентации, которые, надо признать, оказали заметное влияние на умы и сердца русинов ГГ.

Прочтение документов оккупационных властей относительно развития образования [27; 41; 48; 50; 59: 107–110, 116–118, 121–123] свидетельствует, что интересы и потребности местного населения «старого» ГГ в этой сфере полностью игнорировались. Можем утверждать, что они имели довольно туманное представление об этнокультурных и этнорегиональных особенностях края. В частности, в официальных документах [50; 59] фактически не встречаем названий «лемки», «русины», «Лемковщина», «Холмщина», «Подляшье», «Надсанье» и т. п.

Доказательным обоснованием такой позиции являются материалы статистическо-этнографических исследований, проведенных Институтом немецкого труда на Востоке (Institut für Deutsche Ostarbeit) летом 1942 г. в рамках программы поиска «германизма» (Deutschtum) на Лемковщине. Графы, где фиксировали национальный характер сел на основе самоидентификации их жителей, не предполагали названий «лемко / лемковский», «русин / руснак», а только «немецкий», «польский», «украинский», «еврейский». Но желания лемков записать их под другими названиями учитывались. Например, в таблице по с. Мацина-Велика (уезд Ясло) было зафиксировано, что 301 житель назвал себя украинцем, 317 – русинами (в документе Rutene, а внизу дописана колонка «украинцы»). Также обращает внимание тот факт, что два учителя в этом селе были зафиксированы как поляки и еще два – отдельной отметкой «русские» (Russe) [23].

Как видим, вопрос идентичности и самоидентификации лемков игнорировался в реализации оккупационной образовательной политики и даже формально не воспринимался в немецких этнографических исследованиях. Но он был принципиально важным для УЦК, который в своей деятельности в этом направлении хотел разрешить давнее противостояние идеологических ориентаций лемков. Проблема их идентичности в период нацистской оккупации остается дискуссионной и в историографии³.

В условиях оккупационного режима в конце 1939 – начале 1944 г. на Лемковщине была создана достаточно целостная образовательная система, хотя ее основные компоненты имели разный уровень развития.

Относительно успешно функционировала сеть дошкольных воспитательных учреждений, которых ранее, за исключением нескольких

содержавшихся монахинями домов для детей-сирот, фактически не было. Уже в 1940 г. усилиями УЦК на Лемковщине, Холмщине и в Подляшье было открыто 208 сезонных детских садов для более 5,4 тыс. малышей. Затем УЦК выдвинул амбициозный план создания на территории ГГ 1 000 детских садов, чтобы они были в каждом селе и городке, где живут украинцы [9]. Вследствие его реализации в 1941 г. на территории «старого» ГГ заработало около 475 дошкольных учреждений для 17,8 тыс. детей [30: 156; 59: 209]. Такого результата достигли благодаря кропотливой организационной деятельности референтов по культурной работе УВК и их заместителей в районных делегатурах. При них действовали комиссии по детским учреждениям, в состав которых вошли учителя, духовенство, врачи, кооператоры, общественные деятели. На эти комиссии (вместе с мужами доверия и женскими секциями УОО) возлагались функции определения населенных пунктов, где должны открываться детские сады, количества детей, которые будут их посещать, подбора подходящих помещений и обеспечения их всем необходимым, составления бюджета, а также организации и контроля за всей деятельностью. Параллельно они проводили широкую пропагандистско-разъяснительную работу среди населения относительно сути и значения детских дошкольных учреждений [9; 15; 53].

Настороженное отношение лемков к такой «инновации» быстро изменилось: они повели своих детей в детские сады, что давало больше времени и свободы действий в период осенне-полевых работ. Основным препятствием для их развития оказалась нехватка квалифицированных воспитателей. Кадры из Галиции быстро исчерпались, и их надо было пополнять за счет местных ресурсов. Для решения этой проблемы в 1941 г. в «старом» ГГ были организованы 12 одно- и двухмесячных подготовительных курсов для 215 воспитательниц детских садов. К женщинам-кандидатам выдвигались высокие требования: не менее 4 классов образования, рекомендации о «благонадежности», надлежащие моральные и деловые качества и др. [15; 53].

Функции и обязанности воспитателей детально регламентировали соответствующие правила и инструкции, а в качестве методического руководства издали учебные пособия «Украинские дошкольные заведения» («Українське дошкілля»), «Гигиена ребенка» и др. [9; 15; 26]. Украинская пресса излучала оптимизм: лемковские дети – «наша краса и надежда» – «образуют родителей» и понесут в будущее идеалы добра и правды [26].

Бюджеты дошкольных учреждений формировались следующим образом: по 25–30 % оплачивали родители, кооперативные и общественные организации, так что основным источником их напол-

нения были местные органы власти и общины, которые в среднем перечисляли от 500 до 1 000, а некоторые – десятки тысяч зол. [36].

Организационно-методическая работа по созданию и деятельности детских садов достигла нового уровня, когда после образования дистрикта Галиция руководство ее развитием передали секции дошкольного воспитания при Украинском краевом комитете во Львове. Там собрались опытные профессионалы, которые централизовали организацию курсов для воспитательниц и начали проводить системные инспекторские поездки для оказания помощи на местах. Были разработаны оптимальные для оккупационных условий воспитательные программы, ориентированные на ознакомление детей с природой и культурой родного края, укрепление их здоровья, ознакомление с правилами гигиены и др. [31: 63–64; 38].

Решение кадровых и финансовых вопросов, а также рост популярности среди населения обусловили дальнейшее развитие дошкольных учреждений. В 1942 г. их численность на Лемковщине фактически удвоилась и достигла максимума: 508 сезонных и 20 постоянных детских садов с более чем 23 тыс. и 1 тыс. воспитанников соответственно. Их сеть охватила около 70 % сел, маленьких городов с русинским населением и около 2/3 детей дошкольного возраста. Для сравнения отметим, что в 1942 г. одно такое заведение на Лемковщине приходилось на 600–650 чел., тогда как в довоенной Галиции этот показатель составлял 5 тыс. чел. [24: 198–199; 30: 153; 31: 63–64].

Значимые изменения произошли и в других сферах образования Лемковщины. Для понимания их масштабов отметим, что до войны русины края фактически не могли получить начальное образование на родном языке, поскольку все школы были польско-украинские или польские. Средних и профессиональных школ не было совсем. Уровень грамотности молодежи 15–30 лет составлял около 65 %, однако среди людей старшего возраста он был существенно ниже, а в горных районах не превышал 10 % [5; 10].

Развитие школы активно поддерживалось общественностью. Украинскоязычная краковская и львовская пресса пестрела призывами к родителям посылать своих детей в школы; к общинам, органам местной власти, кооператорам – о необходимости их организационной и финансовой поддержки; к учителям и всем желающим стать педагогами – о надобности жертвенной работы с детьми.

Учителя и общественные деятели Лемковщины приняли активное участие в мартовском съезде по образованию в Кракове в 1940 г. Согласно установкам оккупационных властей, на нем приняли комплексную программу, которая гарантировала получение детьми школьного возраста начального и профессионального образования

на родном языке. Для этого предполагались создание отдельных органов развития украинской школы при правлении ГГ, организация института инспекторов на местах, проведение курсов повышения квалификации учителей и т. д. [24: 119; 31: 62].

Впервые в истории русинов Лемковщины вопрос массового образования стал столь актуален, что был поставлен в один ряд с другими острыми социальными проблемами. Емко и глубоко такие настроения передал известный общественный деятель Владимир Ганьковский. Раздумывая над «путями решения проблем массового обнищания населения края» в «переломное время», он писал: «наиболее жгучие среди них – это перенаселение, голод на землю и проблема работы», но «эмиграцией или временными заработками... в Америке, Германии, Аргентине и выездом в Советы» их не решить. Это лишь приведет к опустошению края. Не в этом нуждается «здоровый в своем корне лемко, опорный ко всяким внешним влияниям, работающий и необычно скромный в потребностях, к тому же не деморализованный демократическими или коммунистическими призывами». Это «большой плюс нашему возрождению». И не хватает только образования, а «если дать его бедному лемку, то половина недостатков будет заполнена» [7].

Развитию начальной и средней школы препятствовало множество проблем кадрового, материального, организационно-методического характера. Немецкая власть не признавала квалификации учителей, полученной в советских заведениях, поэтому сотни педагогов – выходцев из Советской Украины, которые работали в школах Лемковщины, Холмщины, Подляшья, начали выезжать в Галицию либо возвращались домой. Усилилась нехватка школьных помещений, поскольку лучшие реквизировались на нужды армии, а оставшиеся не всегда соответствовали новым санитарно-гигиеническим нормам. Обострилась нехватка школьного оборудования и средств обучения – парт, ученических скамеек, учебных книг, тетрадей, приборов для письма и т. п. В зимнее время из-за отсутствия топлива прекращались занятия в значительной части школ [24: 26; 27; 31; 48].

На основе анализа документальных материалов выделяем два основных этапа развития начальной школы на Лемковщине: 1) сентябрь 1939 г. – май 1941 г.; 2) сентябрь 1941 – март-апрель 1944 г. На первом этапе отслеживаем три стадии: а) стихийно-самодеятельную, когда в октябре-ноябре 1939 г. местные общины начали собственными силами открывать школы: выделяли помещения, приглашали учителей, закупали учебную литературу, жертвовали средства на эти и другие цели; б) организационную – декабрь 1939 г. – сентябрь 1940 г.; в) стабилизационную – октябрь 1940 г. – май 1941 г.

На первой стадии важным организационно-образовательным центром выступил Украинский национальный совет, который в октябре 1940 г. создали прибывшие из Галиции опытные педагоги Василий Блавацкий, Никифор Гирняк, священники Степан Венгринович, Орест Кузьма и др. Мобилизуя галичан и лемков, они развернули активную деятельность по открытию начальных школ на Саноччине, в Новом Санче, Кринице, Горлицах, а также в Коросне, Дукле, Жмигороде, Балигороде, Динове и др. [24: 50–51]. С оформлением УЦК эту деятельность, но уже по указаниям правления ГГ, продолжили его местные органы. Таким образом, на второй и третьей стадиях численность народных школ в «старой» ГГ выросла с 864 до 911, учителей в них – с 1,3 до 1,5 тыс., а учеников – с 88,9 до 91,1 тыс. [24: 201–202; 27; 30; 37].

На втором этапе развития начального образования на Лемковщине произошло полное обновление его учебно-методического обеспечения. Уже во время первого 1939/1940 учебного года появились изданные в Кракове буквари и читанки, методические пособия к букварю Р. Корбата и др. В условиях их острой нехватки при «попустительстве» школьных инспекторов тогда еще использовали учебную и методическую литературу, изданную в польский и советский периоды. Однако, согласно распоряжению школьных властей, с 1 сентября 1941 г. она подлежала изъятию и уничтожению. Вместо нее начали поступать напечатанные в «Украинском издательстве» 18 учебников для начальной и средней школы. Разрабатывались планы издания журналов для детей и молодежи [11; 48].

Исходя из анализа источников [24: 201–204; 30; 31], можем утверждать, что в октябре 1942 г., т. е. в начале третьего в оккупационный период учебного года, структура начального образования на Лемковщине достигла своего максимума: в 370 школах работали около 575 учителей и обучались более 385 тыс. учеников, что составляло почти 90 % детей школьного возраста.

Выясняя условия и уровень образования, а также культурные интересы и запросы лемков, в частности молодежи, на уровне микроистории, приходим к их иному пониманию, чем существующие в историографии нарративы. Основания для этого дают упомянутые материалы немецких исследований. Из собранного 23 июля 1942 г. описания сел Маластово и Панкно (гмина Ропа, уезд Ясло), где вместе проживали 1 135 русинов и 11 поляков (238 семей), выясняется, что действовавшие в них две школы посещали 214 учеников. Они занимались в трех классах под руководством двух учителей. В среднем ученики ходили в школу 7 лет. Их больше всего привлекала литература на исторические темы, о путешествиях и родном

крае. Основные интересы проявлялись к народным песням и танцам «гуцулка», «козак», «катерина» и «воры» («злодіи»), а способности – к пению и музыке (70 %), чего нельзя сказать о ремесле и промыслах (5 %). Исследователи чрезвычайно удивились, выявив в двух селах 10 чел. со средним и высшим образованием, поэтому их биографические данные были зафиксированы [22].

Третьей после дошкольных учреждений и начальной школы основополагающей составляющей системы образования была профессиональная подготовка молодежи. При польском режиме, несмотря на все приоритеты, она была почти недоступной для русинов Лемковщины из-за отсутствия профильных заведений на территории края, недостаточного уровня владения языком для обучения в польских заведениях, высокой оплаты за обучение и др.

В оккупационный период по известным причинам ситуация кардинально изменилась. Для получивших начальное образование юношей и девушек 14–20 лет профессиональная подготовка стала обязательной по одному из четырех направлений: сельскому хозяйству, ремеслу, промыслу, торговле [27; 28; 41]. Для этого создавались необходимые правовая база, управленческие структуры и учебные заведения, их кадровое и учебно-методическое обеспечение. Системную активную пропаганду в этом направлении проводили украинская пресса, УЦК, местная администрация, общественность.

Исходя из социального состава населения и традиционного уклада жизни, сельскохозяйственное образование в «старом» ГГ стало априори приоритетным направлением профессиональной подготовки. В силу сложившихся обстоятельств Лемковщине суждено было сыграть ключевую роль в его развитии. С началом Второй мировой войны именно в приграничный г. Ярослав из Львова переместилась управленческая структура общества «Сельский gospodar» с его штатными работниками, агрономами. В кратчайшие строки в новых условиях они развернули масштабную организационную и учебно-просветительную деятельность [2; 19; 52].

После того как правление ГГ дважды отказалось утверждать устав «Сельского господаря», оно легализовалось как «Сельскохозяйственное объединение труда» (СХОТ) при УЦК. Его статут утвердили только 8 сентября 1943 г., когда центральные органы опять (с июля 1941 г.) находились во Львове [2; 19]. За исключением Холмщины и Подляшья, СХОТ выстроило разветвленную организационную структуру на территории ГГ. Она была разделена на три области (Галицкая, Краковская, Люблинская), в которых на момент наивысшего подъема в 1943 г. насчитывалось 70 филиалов, 2 687 кружков с 200 тыс. членами и 150 штатными работниками (что превосходило соответствующие

показатели 1918 и 1939 гг.) [19: 50–51]. Филиалы СХОТ в Ярославле, Санокке, Устриках Долишних, Новом Санче, Кринице, Ясло, Горлице с 215 кружками и 26,2 тыс. членами стали организационной основой развития массового агрокультурного образования на Лемковщине [52]. Одним из его направлений была хлеборобская подготовка молодежи (ХПМ). Уже в ноябре 1940 г. – январе 1941 г. в селах Лемковщины под руководством учителей действовало 40 кружков ХПМ с 596 членами. После проведенных агрономами СХОТ курсов и получения методических материалов они продолжали самоподготовку на собраниях 2–3 раза в неделю. В летнее время изучали основы агрокультуры и гигиены, культуру и быт родного края, а в весенне-осенний период на экспериментальных полях по передовым технологиям выращивали традиционные и малоизвестные на Лемковщине сельскохозяйственные культуры. Урожайность на них была на 20–40 % выше, чем в обычных хозяйствах края [19: 57–59; 52].

После первых успехов и роста популярности кружков ХПМ со второй половины 1941 г. в их развитии наблюдаем стагнацию. Ее причинами стало перемещение основной деятельности СХОТ в дистрикт Галиция, а также предвзятое отношение оккупационных властей к неконтролируемой ими форме самодеятельности. Однако кружки ХПМ продолжали деятельность до весны 1944 г.

При поддержке УЦК организовались лагеря по воспитанию молодежи (в Кринице и др.). Они действовали на принципах скаутинга с уклоном на формирование знаний и навыков по разным видам сельского хозяйства и ремесла [47].

На основе официальной учебно-нормативной базы [28; 41; 59: 116–118] в 1940–1941 гг. на Лемковщине начали развиваться четыре основных вида сельскохозяйственного образования. Это были школы: обязательные бесплатные, хлеборобские профессиональные, технические хлеборобские, специальные хлеборобские. В одной из них в обязательном порядке в течение 1–2 лет должна была обучаться вся молодежь от 14 до 16 лет. Наиболее распространенными являлись обязательные бесплатные школы. Занятия проходили один раз в неделю по 6 часов в течение 2 лет в летнее и зимнее время. Их программы (наука религии, домашнее хозяйство, участие в общественной жизни и др.) были продолжением обучения в народной школе с практическим уклоном. Организацию и контроль за их деятельностью обеспечивали местные подразделения УЦК, УДК, СХОТ. Учителя этих школ проходили специальную подготовку и находились на государственном обеспечении [2; 28; 41].

Из воспоминаний организаторов сельскохозяйственного образования на Лемковщине в период оккупации всплывает реминисценция

о «неожиданном прозрении» крестьян. Она выражается в осознании того, что благодаря повышению знаний и навыков хозяйственной культуры можно существенно улучшить свое благосостояние, так что после оплаты положенных налогов останется больше ресурсов для собственного потребления [2; 52].

Свидетельством тяги русинов к аграрным знаниям стала популярность открытых «Сельским господарем» в конце 1940 – начале 1941 г. на Лемковщине 15 одно- и двухлетних сельскохозяйственных учебных заведений. Среди них отметим сельскохозяйственные школы в с. Частковичи (на базе сахарного завода, получила статус государственной), г. Радимичи (имела 413 учеников и 5 учителей), в Лежайске (давала высокий уровень агрокультурной подготовки), школу женского хозяйства в Ярославе (30 учениц, 5 учителей) и др. [2: 35; 44]. Однако после реформирования и централизации этой сферы лишь немногие из них продолжили деятельность.

Широко известными в ГГ были сельскохозяйственные школы в Кринице (160 учеников), школы домашнего хозяйства в Ярославе (50–60 чел.) и Санокке (75–50 чел.). Роль неформального методического центра развития агрокультуры в ГГ выполняла санокская школа, имевшая большую библиотеку специальной литературы. Ее ученики привлекались к научно-исследовательской деятельности на экспериментальных полях и скотоводческих фермах, выступали на действующем при школе вечернем семинаре, дополнительно изучали кооперативное дело. На базе школы проводились подготовительные курсы для учителей аграрных учебных заведений [35: 481–482].

Среди женских образовательных учреждений лидировала открытая в октябре 1940 г. в Санокке однолетняя Государственная женская школа домашнего хозяйства. В ней за ежемесячную оплату в 15 зол. на полном социальном обеспечении обучалось 30–35 учениц. Для них преподавали религию, украинский и немецкий языки, стирку и глажку, уборку в доме, рукоделие, хозяйственный счет, уход за детьми и больными, огородничество. Выпускницы претендовали на оплачиваемые должности или продолжали обучение в высших профессиональных школах [32].

В разные годы оккупации на территории Лемковщины функционировало от 4 до 12 образовательных учреждений, не связанных с агрокультурой. Среди них – двухклассная Государственная школа торговли в Ярославе. Здесь преподавалось около 20 профильных предметов и дисциплины, связанные с развитием кооперации и др. общественными сферами. В декабре 1940 г. при ней открыли трехлетнюю дополнительную школу для повышения квалификации работников торговли. Для них занятия проводились один раз в неделю [14].

Опираясь на опыт Галиции межвоенных лет, СХОТ разработало план организации курсов по разным направлениям развития агрокультуры, но из-за трудностей передвижения и опасения репрессий ограниченные ресурсы его реализовали частично. В качестве примера отметим организованные в мае 1940 г. 6-месячные сельскохозяйственные курсы в Ярославле, на которые прибыли 22 слушателя вместо 80 запланированных. На них 23 специалиста преподавали около 20 дисциплин: садоводство (60 часов); огородничество (138); животноводство (50); удобрение почвы (30); птицеводство (21); молочное производство (25); ветеринарию и кооперацию (по 14); кулинарию (67) и др. [2: 32–33].

По названным и другим дисциплинам организовывались 2–3-дневные и 6–7-дневные профильные курсы. Широкой популярностью пользовались организованные секцией хозяйек («господынь») СХОТ курсы домашнего хозяйства, на которых преподавали гигиену, кулинарию, ручные работы, уход за детьми, огородничество и т. п. Такие мероприятия проводились преимущественно в зимние месяцы, а количество их участников колебалось от 10–15 до 100 и более чел. [32; 52: 485–487].

Важнейшим направлением массового хозяйственно-экономического просвещения стала издательская деятельность «Сельского господаря». В период оккупации общество издало и почти бесплатно распространило среди аграриев ГГ около 45 номеров одноименного журнала. Он выходил как месячник, двухнедельник и еженедельник тиражом от 2–5 тыс. до 52 тыс. экземпляров. Тиражи месячника «Украинский пасечник» (около 18 номеров) доходили до 42 тыс., а трех ежегодных календарей «Сельский господар» – до 50 тыс. Массовыми тиражами «Украинское издательство» в Кракове переиздало около двух десятков появившихся ранее в Галиции книг и брошюр по актуальным вопросам развития разных направлений сельского хозяйства, животноводства, ремесла и промысла [12; 19: 57–58].

Хотя оккупационная образовательная политика не предусматривала развития среднего образования на территории ГГ, усилиями УЦК удалось продвинуться в этом направлении. Впервые организованные для русинов Лемковщины семинарии и гимназии должны были удовлетворить их стремление к образованию и открыть путь для обучения в вузах, а также готовить кадры для учебных заведений трех низших уровней.

Хроническая нехватка учителей в ГГ (2–2,5 тыс.) особенно остро ощущалась на Лемковщине, где этот показатель составлял 350–420 чел. Это обусловило открытие 10 августа 1940 г. в Кринице первого в ГГ профильного учебного заведения – Украинской государственной

учительской семинарии. Для преподавания в ней были привлечены опытные педагоги и ученые. Учебный процесс имел методическую направленность и предусматривал прохождение педпрактики в народных школах. В 1943 и 1944 гг. семинария выпустила 47 и 53 специалиста. На ее базе проводились подготовительные курсы для 30 воспитательниц детских садов и 60–75 неквалифицированных (т. н. помощников) учителей. Количество обучавшихся в этом заведении доходило до 500 чел., и оно считалась одним из крупнейших в ГГ [51].

Среди действовавших в ГГ 7–12 украинских гимназий одной из первых была открыта Украинская государственная гимназия в Ярославле. Система набора на обучение в ней охватывала подготовительные курсы: в мае 1940 г. на них записались 156 кандидатов, из которых 137 были допущены до сдачи экзаменов, а успешно их сдали 124 чел. После дополнительного набора в марте 1941 г. к ним присоединился еще 41 абитуриент. Несмотря на ограниченные материальные и кадровые ресурсы, контингент учащихся расширялся трижды примерно на таком же уровне. Учебный процесс проходил в две смены по двум направлениям: гуманитарному и математико-физическому. На них в разных объемах изучались история, математика, физика, украинский, а также немецкий или латинский языки по выбору [48; 54].

Гимназисты участвовали в деятельности литературного и математическо-физического кружков, а также в работавшем по принципам скаутинга курене юнацтва. Учебно-воспитательный процесс в гимназии обеспечивали от 14 до 45 преподавателей. В 1941–1944 гг. она выпустила около 1 200 гимназистов, 2/3 из них составляли юноши [31; 48; 54].

В летний период ученики гимназии и семинарии проводили широкую общественно-культурную деятельность: выступали с лекциями, концертами, театральными представлениями для мещан и лемков-крестьян. Благодаря упомянутым учебным заведениям Санок, Криница, Ярослав стали основными культурными центрами Лемковщины в первой половине 1940-х гг.

Пирамиду системы образования замыкает высшая школа. Об открытии подобных учреждений на Лемковщине в период оккупации речь не шла, однако выходцы из края пополняли ряды студенчества в вузах Львова и за рубежом. Главным образом это были выпускники ярославской гимназии, а также молодежь, которая начала обучение в довоенное время и теперь искала возможность и материальные средства для его продолжения. Источники свидетельствуют, что в апреле 1942 г. десятки студентов-лемков вступили или продолжали учебу в реорганизованных и открытых сельскохозяйственном, ветеринарном,

техническом, медицинском и фармацевтическом институтах Львова. Обучались они и в вузах Вены, Праги, Берлина [4; 21; 35: 364–365; 54].

Важным основанием для этого стала организованная УЦК и специально созданной Комиссией помощи украинским студентам масштабная благотворительная акция. Со всего ГГ стекались средства в «Фонд студента», из которого сотни тысяч золотых перераспределялись на стипендии, займы, иные виды социальной помощи вузовской молодежи. Материалы изданий «Краковские вести», «Украинская школа» и другие источники свидетельствуют о проведении сборов добровольных пожертвований среди публичных организаций, а также крестьян, интеллигенции, учащейся молодежи Лемковщины. Несмотря на тяжелое материальное положение, у русинов росло понимание необходимости поддержки образовательных инициатив молодежи для будущего развития края.

Социальную опеку рассматриваем как важную составляющую образовательной системы Лемковщины в условиях оккупационного режима. Она касалась всей учащейся молодежи и реализовалась в разных формах. Наиболее важными из них стали т. н. бурсы и институты (общежития), где жила преимущественно сельская молодежь, которая, обучаясь в профессиональных и средних школах, получала льготное, иногда бесплатное жилье, 2–3-разовое питание и находилась под присмотром воспитателей. Из открытых в 1940/1941 учебном году в 9 местностях «старого» ГГ 16 бурс для 497 учащихся бóльшая часть находилась на Лемковщине: Ярослав – три (190 воспитанников); Криница – две (92); Горлица и Дукля – по одной (30 и 31). В последующие годы эти показатели несколько увеличились. Тогда важной функцией бурс стала защита учащейся молодежи от участвовавших облав для вывоза на принудительные работы в Германию [1: 46; 31; 39].

Второй составляющей социальной помощи стали стипендиальные фонды, которые также формировались за счет добровольных пожертвований. Они распределялись в зависимости от успеваемости и поведения учащихся, а также материального положения и гражданской активности их родителей. Об аккумуляции в них значительных средств свидетельствует факт ежемесячного выделения УЦК на стипендии 120 учащимся Ярославской гимназии 7 тыс. зол. Кроме того, местные УДК ежегодно выделяли им разовую помощь деньгами, одеждой и обувью [48; 54].

Подводя итоги, еще раз акцентируем внимание на необходимости утверждения в современной историографии «реального научного плюрализма» [40] как основы создания объективного неидеологизированного нарратива. С таких позиций априори невозможны одно-

значные выводы и оценки истории формирования образовательной системы русинов Лемковщины в оккупационный период. С одной стороны, предметом беспристрастного научного дискурса должна стать проблема создания, деятельности и отношения с оккупационными властями Украинского центрального комитета, хотя по этому вопросу трудно ожидать консенсуса между разными национальными историографиями. С другой стороны, трудно оспаривать тот факт, что именно в условиях оккупационного режима для русинов Лемковщины была впервые создана достаточно целостная система образования. Благодаря этому тысячи русинов края получили возможность отдавать своих детей в дошкольные заведения, а десятки тысяч – в начальные и профессиональные школы. Открытие учительских семинарий и гимназий, а также система социального обеспечения способствовали формированию кадров интеллигенции и открывали путь для получения высшего образования. С таким важным историческим опытом русины Лемковщины оказались на пороге очередных еще более трагических испытаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хотя бытует мнение, согласно которому западная историография менее ангажирована, чем постсоветская, ее представители предубежденно, в одностороннем контексте коллаборации показывают деятельность отдельных этнических общностей в ГГ [58] и рейхскомиссариата Украины [57], обходя вниманием факт, что они массово истреблялись оккупационными режимами.

2. Владимир Кубиёвич отнес Ярослав и Ряшев к Надсанью [24: 31]. Ряд современных этнографов северную границу проживания русинов Лемковщины определяют городами Ярослав, Переворск, Ряшев, Ясло, Коросно, Горлица, Грибов [3: 94]. В иных границах ее определяют авторы русинской диаспоры [8], а польские исследователи при этом акцентируют внимание на современных государственно-административных границах [55; 56]. Для нас важно, что Ярослав и некоторые другие пограничные города стали крупными образовательными центрами русинов Лемковщины, что дает основание включить их в систему образования региона.

3. Следом за В. Кубиёвичем [24] историки-мемуаристы украинской диаспоры [2; 19; 52] и современные исследователи [1; 34] утверждают, что в 1939–1944 гг. Лемковщина была «украинизирована». Это отрицают российские слависты, считая, что «немцы в целом покровительствовали украинофильским начинаниям и враждебно относились к проявлениям лемковского русофильского патриотизма»,

однако «українофилам не удалось достичь больших успехов среди лемков» [17]. А представители русинской диаспоры уверяют, что слишком поспешное внедрение нового названия «українці» вместо старого «русины» или «руснаки» было «общей ошибкой украинской интеллигенции на Лемковщине» [8: 207]. Эти позиции имеют свое обоснование в разрезе перспектив второй половины XX – начала XXI в. Об этом свидетельствуют исследования ученых разных стран и результаты переписей населения, которые показывают, насколько сложной остается проблема идентичности русинов в Польше, Украине, Словакии [55; 56].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антонюк Н.* Українське культурне життя в «Генеральній Губернії» (1939–1944 рр.): За матеріалами періодичної преси. Львів, 1997. С. 24–25.
2. *Бачинський Л.* Крайове гос. тов. «Сільський господар» в Ярославі (1940–1941 рр.) // Крайове господарське товариство «Сільський господар» у Львові 1899–1944. Нью-Йорк, 1970. С. 30–36.
3. *Бодак Я.* Лемківщина у колі наукових інтересів Володимира Гошовського // Вісник Львівського університету. 2013. Вип. 12. С. 94–104.
4. Відкриття вищих шкіл у Львові // Львівські вісті. 1942. № 39. С. 1.
5. Війна з неграмотністю // Краківські вісті. 1941. Ч. 7. С. 5.
6. Война 1941 – 1945 годов: современные подходы / Отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2005. 567 с.
7. *Ганьківський В.* Організація самопомочі на Лемківщині // Краківські вісті. 1940. 28 жовтня.
8. *Гвать І.* Історія Північної Лемківщини до вигнання лемків // Лемківщина: земля – люди – історія – культура / Ред. Б.О. Струмінський. Нью-Йорк; Париж; Сідней; Торонто, 1988. Т. I. С. 180–183.
9. *Герасимович І.* Ніяких перепон для дитячих садків // Краківські вісті. 1941. № 25. С. 7.
10. *Герасимович І.* Українське шкільництво і вчителство // Краківські вісті. 1941. № 68. С. 5.
11. *Головата Л.* «Українське видавництво» в Кракові-Львові (1939–1945). Т. 1: Книжка і аркушеві видання. К.: Критика, 2010. 326 с.
12. Господарська література видана «Українським видавництвом» та інш. в рр. 1940–1944 // Крайове господарське товариство «Сільський господар» у Львові 1899–1944. Нью-Йорк, 1970. С. 576–577.
13. *Дашкевич Я.* Олена Степанів та її «Сучасник Львів» // Степанів О. Путьник Львова. Львів, 1992. С. 125–129.
14. 2 кл. державна торговельна школа в Ярославі // Краківські вісті. 1940. 16 жовтня.
15. Дитячі садки // Краківські вісті. 1941. № 5. С. 5.
16. Др. М. К. Як дійшло до створення Українського Центрального Комітету // Краківські вісті. 1942. 29 березня.

17. Дронов М.Ю. Лемки и Лемковщина. Страницы истории культуры самой Западной Руси // Вестник Юго-Западной Руси. 2006. № 1. URL: <http://malorus.ru/vestnik/vestnik20061-dronov.html> (дата обращения: 22.11.2019).

18. Єржбакова Б. Шкільна справа та шкільна політика в Рейхскомісаріаті Україна 1941–1944 в світлі німецьких документів. К.: Наукова думка, 2008. 270 с.

19. Зайшлий Я. Обласне Т-во «Сільський господар» у Кракові і Любліні 1940–1941 р. // Крайове господарське товариство «Сільський господар» у Львові 1899–1944. Нью-Йорк, 1970. С. 37–42.

20. Звіт з діяльності Головного виділу Товариства «Просвіта» за час від 1 січня до 31 грудня 1914 р. Львів, 1914. 32 с.

21. З новим академічним роком // Краківські вісті. 1942. Ч. 254. С. 1.

22. Іваник М. Архів Українського центрального комітету в Кракові як джерело до вивчення німецької окупаційної політики щодо українців в Генеральній Губернії // Наукові записки Острозької академії. Історичні науки. 2010. Вип. 15. С. 210–224.

23. Іваник М. Німецькі документи про Лемківщину з періоду Другої світової війни. URL: lemky.lviv.ua (дата обращения: 17.11.2019).

24. Кубійович В. Українці в Генеральній Губернії (1939–1941). Чикаго: Видавництво Миколи Денисюка, 1975. 664 с.

25. Лемківські республіки 1918–1919 рр. // Лемківщина: земля, люди, історія, культура. Т. 1 / Ред. Б.О. Струмінський. Нью-Йорк; Париж, 1988. С. 179–200.

26. Наддністрянський Я. Школи, дошкілля й дитячі садки в повіті Новий Санч // Краківські вісті. 1940. 14 листопада.

27. Наука в народних і фахових школах Львова // Краківські вісті. 1941. № 44. С. 3.

28. Наші Сільськогосподарські школи // Краківські вісті. 1941. № 11. С. 7.

29. Нова дійсність після розвалу Польщі // Українські щоденні вісті. 1941. 27 липня.

30. Огляд шкільного життя: Підсумки шкільної праці за рік 1942 // Українська школа. 1942. № 5–6. С. 152–158.

31. Огляд шкільного життя: Підсумки шкільної праці за рр. 1939 – 1943 // Українська школа. 1943/1944. № 13. С. 62–68.

32. Однорічна державна українська жіноча школа // Краківські вісті. 1940. 16 жовтня.

33. Отчетъ о дѣтельности Общества им. Михаила Качковскаго за время отъ 16 (29) сентября 1910 г. до 15 (28) сентября 1911. Львов: Типографія Ставропигійскаго Института, 1911. 40 с.

34. Офіційний В. Дистрикт Галичина (1941–1944). історико-політичний нарис. Ужгород : МПП «Гражда», 2001. 144 с.

35. Паньківський К. Роки німецької окупації. Нью-Йорк; Торонто: East side press, 1965. 479 с.

36. Підмоги з громадських бюджетів для дитячих садків // Львівські вісті. 1942. Ч. 58. С. 3.

37. Підсумки праці УЦК // Українські щоденні вісті. 1941. 29, 30 липня.

38. Річна конференція референток дитячих садків у Львові // Краківські вісті. 1943. № 283. С. 2.

39. *Саноцький П.* Українські шкільні Інститути в ГГ в шкільному році 1940/41 // *Краківські вісті* 1941. Ч. 30. С. 7.
40. *Сахаров А.Н.* О новых подходах в российской исторической науке. 1990-е годы // *История и историки, 2002: Историографический вестник*. М.: Наука, 2002. С. 3–28.
41. Сільськогосподарські школи // *Краківські вісті*. 1940. № 8. С. 10.
42. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.
43. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
44. Стипендії для учнів середніх і фахових шкіл // *Львівські вісті*. 1942. № 184. С. 2.
45. *Суляк С.Г.* Геноцид русинов Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Краткий обзор проблематики // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 36, is. 2. С. 359–365.
46. *Суляк С.Г.* К вопросу о терминологии Карпатской Руси // *Русин*. 2019. Т. 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16
47. *Тронько-Радомська А.* Діяльність Українського центрального комітету з організації таборів для виховання молоді // *Вісник КНУ*. 2018. № 3. С. 64–69.
48. Укр. Державна Гімназія в Ярославі // *Краківські вісті*. 1942. № 179. С. 3.
49. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО України). Ф. 3959с. Український центральний комітет, м. Краків (Польща), Львів. Оп. 1. (1941–1944 рр.). Спр. 17.
50. ЦДАВО України. Ф. 4329. Генерал-губернатор округу Галичини (період нацистської окупації) 1940–1944 рр. Оп. 1. Спр. 9.
51. Чарівна Криниця. Альбом-альманах. Мемуарне видання: документи, спогади, есеї, роздуми / Відп. ред. Я. Величко. Львів: Тріада, 2014. 432 с.
52. *Шаргун С.* Діяльність товариства «С.Г.» на Лемківщині (1939–1941 рр.) // *Крайове господарське товариство «Сільський господар» у Львові 1899–1944*. Нью-Йорк, 1970. С. 476–490.
53. Які діти – таке майбутнє народу // *Краківські вісті*. 1941. № 13. С. 7.
54. Ярославська гімназія. 1940–1944 рр. Книга Пам'яті з нагоди 50-річчя останньої матури. Львів: Редколегія Книги Пам'яті, 1994. 176 с.
55. *Halczak B.* Łemkowie i Wojkowie Przegląd Powszechny. 2011.09.14. URL: www.los.org.pl (дата обращения: 17.11.2019).
56. *Łemkowie, Wojkowie, Rusini – historia, współczesność, kultura materialna i duchowa*. Legnica; Zielona Góra, 2007. Т. I. 531 с.
57. *Poprzeczny J.* Odillo Globocnik, Hitler's Man in the East. McFarland, 2004. 439 p.
58. *Schenk D., Hans F.* Biografia generalnego gubernatora. Kraków: Wydawnictwo Znak, 2009. 442 s.
59. *The Correspondence of the Ukrainian Central Committee in Cracow and Lviv with the German Authorities (1939–1944)* / ed. by W. Veryha. Edmonton; Toronto: CIUS, 2000. Vol. 1. 1289 p.

REFERENCES

1. Antonyuk, N. (1997) *Ukrains'ke kul'turne zhittya v "General'niy Gubernii" (1939–1944 rr.): Za materialami periodichnoi presi* [Ukrainian cultural life in the "General Province" (1939–1944): According to periodicals]. Lviv: NAS of Ukraine.
2. Bachinsky, L. (1970) Krayove gos. tov. "Sil's'kiy gospodar" v Yaroslavi (1940–1941 rr.) [National economic society "Sils'kiy gospodar" in Yaroslav (1940–1941)]. In: Dubrivny, P. & Borovsky, M.L. (eds) *Krayove gospodars'ke tovaristvo "Sil's'kiy gospodar" u L'vovi 1899–1944*. New York: Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. pp. 30–36.
3. Bodak, Ya. (2013) Lemkivshchina u koli naukovikh interesiv Volodimira Goshovs'kogo [Lemkivshchyna as a sphere or scientific interests of Volodymyr Hoshovsky]. *Visnik L'vivs'kogo universitetu*. 12. pp. 94–104.
4. *L'vivs'ki visti*. (1942a) Vidkryttya vishchikh shkil u L'vovi [Opening of higher schools in Lviv]. 39. p. 1.
5. *Krakovs'ki visti*. (1941a) Viyna z negramotnistyu [War on illiteracy]. 7. p. 5.
6. Sakharov, A.N. (2005) *Voyna 1941–1945 godov: sovremennyye podkhody* [The war of 1941–1945: modern approaches]. Moscow: Nauka.
7. Gankivsky, V. (1940) Organizatsiya samopomochi na Lemkivshchini [Organization of self-help in Lemkivshchyna]. *Krakovs'ki visti*. 28th October.
8. Gvat, I. (1988) Istoriya Pivnichnoi Lemkivshchini do vignannya lemktiv [History of Northern Lemkivshchyna before the exile of Lemkos]. In: Struminsky, B.O. (ed.) *Lemkivshchina: zemlya – lyudi – istoriya – kul'tura* [Lemkivshchyna: land – people – history – culture]. Vol. 1. New York; Paris; Sydney; Toronto: [s.n.]. pp. 180–183.
9. Gerasimovich, I. (1941) Niyakikh perepon dlya dityachikh sadkiv [No obstacles for kindergartens]. *Krakovs'ki visti*. 25. p. 7.
10. Gerasimovich, I. (1941) Ukrains'ke shkil'nitstvo i vchitel'stvo [Ukrainian schooling and education]. *Krakovs'ki visti*. 68. p. 5.
11. Golovata, L. (2010) "Ukrains'ke vidavnitstvo" v Krakovi–L'vovi (1939–1945) ["Ukrainian Publishing House" in Krakow – Lviv (1939–1945)]. Vol. 1. Kyiv: Krytyka.
12. Anon. (1970) Gospodars'ka literatura vidana "Ukrains'kim vidavnitstvom" ta insh. v rr. 1940–1944 [Household literature published by "The Ukrainian Publishing House" and others in 1940–1944]. In: Dubrivny, P. & Borovsky, M.L. (eds) *Krayove gospodars'ke tovaristvo "Sil's'kiy gospodar" u L'vovi 1899–1944*. New York: Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. pp. 576–577.
13. Dashkevich, Ya. (1992) Olena Stepaniv ta ii "Suchasniy L'viv" [Olena Stepaniv and her "Modern Lviv"]. In: Stepaniv, O. *Putivnyk Lvova* [A Guide to Lviv]. Lviv: [s.n.]. pp. 125–129.
14. *Krakovs'ki visti*. (1940a) 2 kl. derzhavna torgovel'na shkola v Yaroslavi [2 Year State Trade School in Yaroslav]. 16th October.
15. *Krakovs'ki visti*. (1941b) Dityachi sadki [Kindergartens]. 5. p. 5.
16. Dr. M. K. (1942) Yak diyshlo do stvorennya Ukrains'kogo Tsentral'nogo Komitetu [How was Ukrainian Central Committee created]. *Krakovs'ki visti*. 29th March.

17. Dronov, M.Yu. (2006) Lemki i Lemkovshchina. Stranitsy istorii kul'tury samoy Zapadnoy Rusi [Lemkos and Lemkivshchyna. The history of culture of the most western Russia]. *Vestnik Yugo-Zapadnoy Rusi*. 1. [Online] Available from: <http://malorus.ru/vestnik/vestnik20061-dronov.html> (Accessed: 22nd November 2019).

18. Ierzhabkova, B. (2008) *Shkil'na sprava ta shkil'na politika v Reykhskomisariati Ukraïna 1941–1944 v svitli nimets'kikh dokumentiv* [School affairs and policy in the Ukraine Reich Commissariat in 1941–1944 in the light of German documents]. Kyiv: Naukova dumka.

19. Zayshly, Ya. (1970) Oblasne T-vo "Sil's'kiy gospodar" u Krakovi i Lyublani 1940–1941 r. [Regional Society "Sil'skyi Gospodar" in Krakow and Lublin in 1940–1941]. In: Dubrivny, P. & Borovsky, M.L. (eds) *Krayove gospodars'ke tovaristvo "Sil's'kiy gospodar" u L'vovi 1899–1944*. New York: Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. pp. 37–42.

20. Anon. (1914) *Zvit z diyal'nosti Golovnoho vidilu Tovaristva "Prosvita" za chas vid 1 sichnya do 31 grudnya 1914 r.* [Report on the effectiveness of the main branch of the Prosvita Society from January 1 to December 31, 1914]. Lviv: [s.n.].

21. *Krakovs'ki visti*. (1942a) Z novim akademichnim rokom [Happy New School Year]. 254. p. 1.

22. Ivanik, M. (2010) Arkhiv Ukraïns'kogo tsentral'nogo komitetu v Krakovi yak dzhereło do vivchennya nimets'koï okupatsiynoï polityki shchodo Ukraïntsiiv v General'niy Gubernii [The Archive of the Ukrainian Central Committee in Krakow as a learning source of the German military policy, in relation to the Ukrainians in the General Province]. *Naukovi zapiski Ostroz'koï akademii. Istorichni nauki*. 15. pp. 210–224.

23. Ivanyk, M. (n.d.) *Nimets'ki dokumenti pro Lemkivshchinu z periodu Drugoi svitovoi viyni* [German documents about Lemkivshchyna for the Second World War]. [Online] Available from: lemky.lviv.ua (Accessed: 17th November 2019).

24. Kubyovych, V. (1975) *Ukraïntsi v General'niy Gubernii (1939–1941)* [Ukrainians in the General Province (1939–1941)]. Chicago: Vidavnytstvo Mikoli Denisyuka.

25. Anon. (1988) Lemkivs'ki respubliki 1918–1919 rr. [Lemkos republics of 1918–1919]. In: Struminsky, B.O. (ed.) *Lemkivshchina: zemlya – lyudi – istoriya – kul'tura* [Lemkivshchyna: land – people – history – culture]. Vol. 1. New York; Paris; Sydney; Toronto: [s.n.]. pp. 179–200.

26. Naddnistriansky, Ya. (1940) Shkoli, doshkillya y dityachi sadki v poviti Noviy Sanch [Schools, preschools and kindergartens in Nowy Sacz]. *Krakovs'ki visti*. 14th November.

27. *Krakovs'ki visti*. (1941c) Nauka v narodnikh i fakhovikh shkolakh L'vova [Science in folk and vocational schools of Lviv]. 44. p. 3.

28. *Krakovs'ki visti*. (1941d) Nashi Sil's'kogospodars'ki shkoli [Our agricultural schools]. 11. p. 7.

29. *Ukraïns'ki shchodenni visti*. (1941) Nova diysnist' pislya rozvalu Pol'shchi [New reality after the collapse of Poland]. 27th July.

30. Anon. (1942) Oglyad shkil'nogo zhittya: Pidsumki shkil'noï pratsi za rik

- 1942 [Review of school life: Results of school work for 1942]. *Ukrains'ka shkola*. 5–6. pp. 152–158.
31. Anon. (1943/1944) Oglyad shkil'nogo zhittya: Pidsumki shkil'noi pratsi za rr. 1939–1943) [Review of school life: Results of school work for 1939–1943]. *Ukrains'ka shkola*. 13. pp. 62–68.
32. *Krakivs'ki visti*. (1940b) Odnorichna derzhavna ukrains'ka zhinocha shkola [One-year state Ukrainian women's school]. 16th October.
33. Anon. (1911) *Otchet" o dntel'nosti Obshchestva im. Mikhaila Kachkovskogo za vremena ot" 16 (29) sentyabrya 1910 g. do 15 (28) sentyabrya 1911* [Report on the activity of The Mikhail Kachkovsky Society from 16 (29) September 1910 to 15 (28) September 1911]. Lvov: Tipografiya Stavropigiyiskogo Institutu.
34. Ofitsinsky, V. (2001) *Distrikt Galichina (1941–1944). Istoriko-politichniy nari* [District of Galicia (1941–1944). Historical and political analysis]. Uzhhorod: Grazhda.
35. Pankivsky, K. (1965) *Roki nimets'koi okupatsii* [The years of German occupation]. New York; Toronto: East Side Press.
36. *L'vivs'ki visti*. (1942b) Pidmogi z gromads'kikh byudzhativ dlya dityachikh sadkiv [Assistance from public budgets for kindergartens]. 58. p. 3.
37. *Ukrains'ki shchodenni visti*. (1941) Pidsumki pratsi UTsK [Results of the UCC work]. 30th July.
38. *Krakivs'ki visti*. (1943) Richna konferentsiya referentok dityachikh sadkiv u L'vovi [Annual conference of the kindergarten teachers in Lviv]. 283. p. 2.
39. Sanotsky, P. (1941) Ukrains'ki shkil'ni Instituti v GG v shkil'nomu rotsi 1940/41 [Ukrainian school institutes in GG in 1940/41 academic year]. *Krakivs'ki visti*. 30. p.7.
40. Sakharov, A.N. (2002) O novykh podkhodakh v rossiyskoy istoricheskoy nauke. 1990-e gody [On the new approaches in Russian historical science. 1990s]. In: Sakharov, A.N. (ed.) *Istoriya i istoriki. 2002: Istoriograficheskii vestnik* [History and Historians, 2002: Historiographical Bulletin]. Moscow: Nauka. pp. 3–28.
41. *Krakivs'ki visti*. (1940c) Sil's'kogospodars'ki shkoli [Agricultural Schools]. 8. p. 10.
42. Semiryaga, M.I. (2000) *Kollaboratsionizm. Priroda. tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroy mirovoy voyny* [Collaborationism. Nature, typology and manifestations in the Second World War]. Moscow: ROSSPEN.
43. Senyavskaya, E.S. (1999) *Psikhologiya voyny v XX veke* [Psychology of war in the 20th century]. Moscow: ROSSPEN.
44. *L'vivs'ki visti*. (1942c) Stipendii dlya uchniv serednikh i fakhovikh shkil [Scholarships for secondary and vocational schoolchildren]. 184. p. 2.
45. Sulyak, S.G. (2015) Genocide of the Rusins in Austro-Hungary during WWI. A Short Review of the Question. *Bylye Gody*. 36(2). pp. 359–365 (in Russian).
46. Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus' terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16
47. Tron-Radomska, A. (2018) Rthe activity of the Ukrainian Central Committee for the Organization of Camps for the Fostering of Youth. *Visnik KNU – Bulletin of Taras Shevchenko National University of Kyiv*. 3. pp. 64–69 (in Ukrainian). DOI: 10.17721/1728-2640.2018.138.14

48. *Krakivs'ki visti*. (1942b) Ukr. Derzhavna Gimnaziya v Yaroslavi [Ukrainian State Gymnasium in Yaroslav]. 179. p. 3.
49. The Central State Archive of the Highest Authorities and Administration of Ukraine (TsDAVO). *Ukrains'kiy tsentral'niy komitet, m. Krakiv (Pol'shcha), L'viv*. Fund 3959s. List 1. File 17.
50. The Central State Archive of the Highest Authorities and Administration of Ukraine (TsDAVO). *General-gubernator okruhu Galichini (period natsists'koï okupatsii) 1940–1944 rr.* [Governor-General of the Galicia District (period of Nazi occupation) 1940–1944]. Fund 4329. List 1. File 9.
51. Velichko, Ya. (2014) *Charivna Krinitsya. Al'bom-al'manakh. Memuarne vidannya: dokumenti, spogadi, eseï, rozdumi*. Lviv: Triada.
52. Shargun, S. (1970) *Diyal'nist' tovaristva "S.G." na Lemkivshchini (1939–1941 rr.)* [Activities of the "SH" Society in Lemkivshchyna (1939–1941)]. In: Dubrivny, P. & Borovsky, M.L. (eds) *Krayove gospodars'ke tovaristvo "Sil's'kiy gospodar" u L'vovi 1899–1944*. New York: Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. pp. 476–490.
53. *Krakivs'ki visti*. (1941e) *Yaki diti – take maybutne narodu* [Children as a reflection of the people's future]. 13. p. 7.
54. Anon. (1994) *Yaroslavs'ka gimnaziya. 1940–1944 rr. Kniga Pam'yati z nalogi 50-richchya ostann'oi maturi* [Yaroslav gymnasium. 1940–1944. Book of Remembrance on the 50th anniversary of the last graduation]. Lviv: Redkolegiya Knigi Pam'yati.
55. Halczak, V. (2011) *Łemkowie i Boykowie Przegląd Powszechny*. 14th September. [Online] Available from: www.los.org.pl (Accessed: 17th November 2019).
56. *Łemkowie, Boykowie, Rusini – historia, współczesność, kultura materialna i duchowa*. (2007) [Lemkos, Boykos, Ruthenians - history, the present day, material and spiritual culture]. T. I. Legnica ; Zielona Góra.
57. Poprzeczny, J. (2004). *Odillo Globocnik, Hitler's Man in the East*. McFarland.
58. Schenk, D. & Hans, F. (2009) *Biografia generalnego gubernatora* [Biography of the Governor General]. Kraków: Wydawnictwo Znak.
59. Veryha, W. (ed.) (2000) *The Correspondence of the Ukrainian Central Committee in Cracow and Lviv with the German Authorities (1939–1944)*. Vol. 1. Edmonton; Toronto: CIUS.

Савчук Борис Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры педагогики им. Б. Ступарика Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

Boris P. Savchuk – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

E-mail: boris_savchuk@ukr.net

Билавич Галина Васильевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики начального образования Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

Galyna V. Bilavych – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

E-mail: ifosuhcvas@gmail.com